

Хозяин Лу, переживший череду неудач и долгое время находившийся в душном рабовладельческом логове, едва мог дышать. Его поддерживали несколько человек с белыми платками, пока он садился на каменную скамью, чтобы прийти в себя. Десяток маленьких рабов были выгнаны из дома и стояли на заднем дворе, не зная, что их ждёт впереди.

Шэнь Фаши сел на лежанку и из кучи мелочей выбрал кисет, который открыл.

Внутри оказалось полно низкосортного табака.

И манера речи, и привычка прятать вещи, и любовь к деньгам — всё это слишком напоминало его...

Если бы не то, что мальчик сам отрицал это, Шэнь Фаши бы поверил, что это Цзи Саньмэй.

Пока Шэнь Фаши размышлял над табаком, маленькая головка внезапно появилась у его руки, уверенно устроившись на его коленях, словно котёнок, требующий награды:

— Я сэкономил вам сто тысяч лян серебра, неужели нет никакой награды?

...Даже эта самоуверенность была так похожа на него.

Шэнь Фаши перевёл взгляд на табачный кисет в своих руках, словно что-то понял, и достал щепотку табака:

— Ты ещё маленький, неужели тоже...

Ещё не успев закончить вопрос, Шэнь Фаши почувствовал лёгкое тепло на кончиках пальцев.

Цзи Саньмэй взял его палец в рот, мягкий язык аккуратно забрал щепотку табака, наслаждаясь его ароматом.

Слегка укусив палец Шэнь Фаши клыком, Цзи Саньмэй открыл рот, оставив тонкую слюнную нить, соединяющую его язык с пальцем Шэнь Фаши, которая в ночи выглядела непристойно.

Шэнь Фаши: ...

Цзи Саньмэй наклонил голову, улыбаясь, как лисица, поймавшая добычу:

— Спасибо, дядя Шэнь.

Не дожидаясь реакции Шэнь Фаши, Цзи Саньмэй вскочил, его слегка влажные волосы коснулись руки Шэнь Фаши, оставив несколько тонких влажных следов.

Он, как белка, жевал табак, невнятно говоря Шэнь Фаши:

— ...Уведи меня отсюда.

Шэнь Фаши оставался невозмутимым, хотя и не стал протирать палец от слюны Цзи Саньмэя, спокойно убрав его. Однако тонкая серебристая нить продолжала тянуться за его пальцем, пока не стала слишком длинной и не разорвалась, не выдержав собственного веса.

Цзи Саньмэй, довольный собой, с серьёзным видом достал из-за пазухи белую шёлковую ткань и аккуратно завернул в неё свои сокровища.

Теперь он мог носить кашаю плывущих облаков Шэнь Фаши прямо на теле, что его несказанно радовало.

Убедившись, что всё упаковано, Цзи Саньмэй крепко обнял свёрток:

— Я готов.

Едва он произнёс эти слова, как ощутил, что теряет опору. Он инстинктивно вскрикнул, сжался и уткнулся лбом в упругую мышцу.

Шэнь Фаши, поднявший Цзи Саньмэя на руки, спросил:

— ...Испугался?

Цзи Саньмэй был слишком занят, разглядывая грудные мышцы Шэнь Фаши, выглядывающие из-под его одежды, чтобы ответить.

Маленький красноречивый мальчик вдруг замолчал, что заставило Шэнь Фаши нахмуриться. Он просто хотел помочь, боясь, что мальчик устанет идти.

— ...Ударился? — Он не мог погладить лоб Цзи Саньмэя, так как руки были заняты, и потому просто спросил.

Осознав, во что он упёрся, Цзи Саньмэй быстро среагировал, притворившись испуганным. Он положил свёрток на живот и крепко обнял Шэнь Фаши за шею, уткнувшись лицом в его грудь.

Не видя лица мальчика, только его напряжённые пальцы ног, Шэнь Фаши тихо усмехнулся.

Такой хитрый ребёнок боится высоты.

Он хотел нести мальчика одной рукой, а другой держать магический посох, но теперь это было невозможно.

Он крепко держал Цзи Саньмэя в объятиях, как младенца, нежно поддерживая его затылок, чтобы тому было удобно и безопасно.

Подойдя к хозяину рынка, Шэнь Фаши сказал:

— Хозяин Лу, отправьте, пожалуйста, мой магический посох в «Ветер над рекой». Благодарю.

Хозяин понял намёк и, узнав, что этот мальчик — сын старого знакомого Шэнь Фаши, поспешил ответить:

— Мастер Шэнь, не стоит благодарностей.

Цзи Саньмэй, обняв Шэнь Фаши за шею, был выведен из невольничьего рынка, где провёл семь лет.

Он уткнулся лицом в грудь Шэнь Фаши, мысленно оценивая её:

Есть рельеф, есть масса, при ходьбе даже подрагивает — просто идеально.

Цзи Саньмэй с удовольствием уткнулся в грудь, не замечая, как Шэнь Фаши несколько раз бросал на него взгляды.

...Мальчик, который только что так дерзко дразнил его, был так похож на него.

По стандартам красоты мужчин города Чжуинь, Цзи Саньмэй был типичным «белолицым», далёким от идеалов «высокого и крепкого, с белой кожей и бородой». Однако его холодная внешность скрывала природную чувственность, которой не могла превзойти ни одна красавица.

Однажды Цзи Саньмэй насильно затащил его в питейное заведение. Пока он отлучился, Цзи Саньмэя окружили несколько молодых господ, приняв его за певца, и попросили спеть. Цзи Саньмэй не стал отказываться, сыграл на сямисэне древнюю мелодию Чжуинь и получил сто лян золота в награду, после чего прибежал к Шэнь Фаши хвастаться.

Шэнь Фаши помнил, как тот вошёл с курительной трубкой в одной руке и мешочком серебра в другой, с сияющей улыбкой:

— Брат Шэнь, сегодня я оплачу наши расходы.

Узнав, что произошло, Шэнь Фаши почувствовал досаду и молча пил вино, пока тот, выпуская клубы дыма, хвастался:

— ...Брат Шэнь, это не хвастовство, но даже если бы мне дали головастика, я бы смог заставить его свернуться клубком.

Шэнь Фаши, раздражённый, резко поставил чашку на стол:

— Как ты можешь быть таким легкомысленным!

Сказав это, он сразу пожалел, но Цзи Саньмэй, услышав это, замолчал, больше не разговаривал с ним и повернулся, чтобы слушать музыку.

Шэнь Фаши почувствовал ещё большее беспокойство, перебирая слова, которые хотел сказать, и, наконец, нашёл момент, когда певица настраивала инструмент, чтобы холодно извиниться:

— ...Брат Цзи, я был слишком резок.

Цзи Саньмэй, сделав затяжку, повернулся и, внимательно осмотрев Шэнь Фаши, внезапно схватил его за воротник.

Шэнь Фаши, не ожидая этого, наклонился вперёд, и его шея коснулась мягких губ Цзи Саньмэя. Дым медленно выходил из его рта, словно весенняя лоза, обвивая его напряжённое горло, а Шэнь Фаши, опустив глаза, встретился взглядом с Цзи Саньмэем, чей соблазнительный взгляд буквально резал ему глаза.

Пока Шэнь Фаши был в оцепенении, Цзи Саньмэй протянул палец, пахнущий табаком, и схватил его за промежность, удивлённо сказав:

— Эй, не встал.

Шэнь Фаши: ...

Цзи Саньмэй покачал головой:

— Брат Шэнь, твоя сила воли необычайна. Я проиграл.

Шэнь Фаши: ...

Шэнь Фаши встал из-за стола и ушёл, оставив Цзи Саньмэя одного смеяться среди девушек.

Раздражённый, он спустился вниз, но, стоя у двери, сомневался, и в конце концов вернулся, злобно подойдя к стойке:

— ...Счёт брата Цзи запишите на мой счёт.

Слуга, услышав это, обрадовался, и Шэнь Фаши знал, почему — если бы Цзи Саньмэй платил сам, он бы не дал ни копейки на чаевые.

Но сейчас Шэнь Фаши был слишком взволнован, чтобы обсуждать это, и, оставив эти слова, быстро ушёл.

<http://bllate.org/book/16281/1466095>